

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-187-194

ЛАНДШАФТ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И РЕКУРРЕНТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Е.В. Терехова

В статье даётся определение лингвистического ландшафта в текстах разной функциональной отнесенности. Также рассматриваются конструкции, получившие название рекуррентных, и композиты. И те, и другие находят широкое применение в текстах, принадлежащих различным функциональным стилям речи. Далее анализируется лингволандшафт, основа функционирования изучаемых двухкомпонентных новообразований, и объясняется значение, которое они приобретают в контексте лингвистического ландшафта англоязычных СМИ.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт; лингволандшафт; композиты; «экстренная» лингвистика; рекуррентные конструкции; двухкомпонентный; новообразования.

THE IMPORTANCE OF RECURRENCE CONSTRUCTIONS IN ORGANIZING THE LANDSCAPE OF ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

E.V. Terekhova

The article defines the linguistic landscape in texts of various functional affiliation. Also considered are the constructions, called recurrent, along with the composites. Both are widely used in texts of different functional styles of speech. Further, the linguistic landscape which serves as the basis for the use of the newly formed bicomponent collocations and the composites under consideration is analyzed, and the significance they acquire in the process of interaction with the linguistic landscape of the English-language media is explained.

Key words: linguistic landscape; linguolandscape; composites; “emergency” linguistics; recurrent constructions (RC); bicomponent; newly formed collocations.

Введение

Под словом «ландшафт» мы понимаем следующее общее его определение: «Рельеф земной поверхности, общий вид и характер местности. То же, что пейзаж. Например: *Географический л. Горный л.* Прилагательное: *Ландшафтная/-ый живопись/заказник*» [5: с. 219]. К области исследования лингвистического ландшафта учёные приступили относительно недавно. Сегодня можно отметить как интересный факт то, что, по выражению Марка Себба, «парадигма языковых ландшафтов (*language landscape*) быстро развивалась, и, хотя с ней связано несколько ключевых имён, в настоящее время она не имеет чёткой ортодоксальности или теоретического ядра» [14: с. 73].

Поддерживая высказанный М. Себба факт отсутствия единого ядерного определения парадигмы этого слова, а соответственно и словосочетания или, в нашей терминологии, рекуррентной конструкции (РК), мы приведём расширенное определение того, что, предположительно, принимается и понимается под термином *лингвистический ландшафт (лингволандшафт)*. Это языковые образования, которые используются в тех случаях,

когда глаз выделяет и отмечает осознанно или неосознанно языковые знаки на промышленных, административных и торговых зданиях [11]. Иногда подобная видимость и узнаваемость этих знаков на разных языках и разной степени грамотности встречается на заборах и стенах жилых домов – *граффити*, но этот жанр настенной лингвистики или живописи и то, как он «работает», в рамках этой статьи не рассматривается. Часто лингвистический ландшафт может определяться как перекрёсток сразу нескольких научных дисциплин, например таких, как социолингвистика, социология, социальная психология, география и экономическая география, а также медиа-ландшафт (или СМИ-исследования). В статье анализируются лишь некоторые наиболее репрезентативные примеры РК и композитов, составляющих конкретный лингволандшафт, а также объясняются приёмы и тактики их контекстного и внеконтекстного перевода.

Рекуррентные конструкции и композиты: определения

Что может побудить учёного использовать в научных текстах эмоциональные языковые средства для передачи или называния базовых научных

Терехова Евгения Викторовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Национального научного центра морской биологии им. А.В. Жирмунского Дальневосточного отделения РАН (г. Владивосток).

Terekhova Yevgeniya Viktorovna – Doctor (Philology), Habil., Head of Foreign Languages Department, Far Eastern Branch, Russian Academy of Science (Vladivostok).

E-mail: evgeniavlad@gmail.com

© Терехова Е.В., 2021

понятий или терминов в своей научной области? В этой статье центральным объектом изучения и перевода выступают рекуррентные конструкции и композиты, поскольку они, обладая новизной, небанальностью и свежестью, охотно принимаются авторами и начинают тиражироваться. Конкретные дискурсивные значения эти конструкции приобретают в динамически разворачивающемся контексте лингвистического ландшафта.

В свете нашего высказывания выше о дискурсивных значениях РК и композитах нам хотелось бы подчеркнуть один важный факт. В этой статье мы не акцентируем внимание на принципиальных различиях между дискурсом и текстом, хотя считаем их существенными и важными. Мы разделяем мнение Е.А. Кожемякина, что дискурс – это область лингвистического и социального, являя собой актуальный динамический процесс, который потенциально может быть незавершённым. А текст – это исключительно лингвистическая категория с зафиксированным конечным результатом деятельности человека. В дискурсивном ландшафте значения высказывания всегда динамически формируются и развиваются в процессе воспроизводства словосочетаний. По меткому выражению учёного, «...в дискурсе смысл сказанного – всегда в последующих высказываниях, в то время как в тексте смысл – в том, что уже сказано. У дискурса диалогичная и полифоничная природа, у текста – монологичная» [4: с. 27–28].

Например, область медицины, в которой сегодня так активно возникают рекуррентные конструкции и композиты, лидирует относительно прочих, поскольку включает в себя непрекращающееся воспроизводство высказываний, относящихся к функциональной научной области медицины: от выписки рецептов и постановки диагноза до алгоритма лечения и врачебных рекомендаций/практик при выписке пациента из больницы [13] и жарких, порой яростных дискуссий о пользе и вреде отдельных вакцин и вакцинирования. По определению, это всё – дискурс, в то время как порождаемые конкретные медицинские заключения в конце каждого дня, проведённого больным в стационаре, вносимые его лечащим врачом в историю болезни, – это тексты.

В фокусе нашего исследования находится конечный лингвистический продукт – *рекуррентные конструкции и композиты*, под которыми мы понимаем особый тип устойчивых идиоматических выражений, которые могут характеризоваться инновационностью, чёткой соотнесённостью как с ситуацией, так и с хронологией фактического события. Рекуррентными же эти конструкции становятся благодаря интенсивной тиражируемости главными изданиями СМИ (*mainstream*). Рекуррентные конструкции – это такие неоднословные словосочетания, которые в содержательном плане

характеризуются слабо идиоматичным значением, т.е. их план содержания слабо поддаётся описанию посредством стандартных правил [3: с. 27].

Композиты – это сложные слова или дериваты с полнозначным аффиксом, формирующим новое лексическое значение слова. Основное свойство данного термина – его двусоставность. Рекуррентные конструкции, как и композиты, также отличает чётко выраженная двукомпонентность. Анализ сложных слов всегда проблематичен, что сопряжено с большим разнообразием контекстов, под влиянием которых можно воспроизвести различные «лексико-фразеологические варианты» слов или композитных сложных слов [2: с.171].

Итак, рекуррентные конструкции, словосочетания двух и более слов, предполагают, что их перевод следует начинать с семантического анализа их компонентов, пытаясь выделить *маркированный член* конструкции. Именно он способствует концентрации РК вокруг некоторого «опорного» концепта. Маркированность несёт в себе новизну, свежесть и воспроизводимость. Когда искомым компонент определён, причём этот подход применим к любой РК, например, «**лингвистический**» относительно понимания немаркированного компонента «ландшафт», тогда можно приступать к анализу всей, чаще всего двукомпонентной конструкции для последующего перевода. В результате мы получаем нестандартный перевод конструкции, с помощью которого её понятие передаётся по-новому. Иными словами, полученная рекуррентная конструкция употребляется терминологически, что справедливо как для РК «**лингвистический** ландшафт», так и для образованного от неё композита «**лингво**ландшафт».

Ниже мы проанализируем, опишем и переведём ряд примеров рекуррентных конструкций и композитов, которые были заимствованы из англоязычных текстов, и покажем, какие подходы применялись для каждого из них, чтобы стало возможным вывести значение и сделать перевод каждой отдельной конструкции, без чего *передача всего отрезка текста* с английского на русский язык может быть затруднена или неверна.

В некоторых примерах, которые были разделены на несколько небольших групп или кластеров, имеет место *переинтерпретация прямого значения слова*, в других случаях трудности возникают при поиске значения конструкций по причине их *непрозрачности, нестандартности* или *нетривиальности* информации, передаваемой *маркированным компонентом* РК. Поскольку речь идёт о двукомпонентных конструкциях, можно предположить, что эти последние могут существовать в языке также и в виде свободных сочетаний слов. Однако, попадая в текст определённой функционально-

коммуникативной принадлежности, они могут измениться. Нас интересуют именно вторые, *несвободные, связанные и/или устойчивые* словосочетания, выражения или, как они названы у нас, *конструкции*. А таковыми они становятся, когда, утрачивая свой свободный статус, попадают в *медийный ландшафт политического дискурса или иного текста в области научного функционального стиля*, которые связывают их [8: с. 62].

Одна из причин трудностей, возникающих при исследовании РК, «работающих» в рамках лингво-ландшафта политики, *mainstream media* или любого другого, кроется в их динамичном характере. Методы и подходы, используемые для анализа слов, словосочетаний и предложений в статике, в качестве стабильных элементов языковой системы в целом слабо вписываются в лингволандшафт текстов, изобилующих РК. Это также справедливо и для перевода этих несвободных словосочетаний в силу сложности определения значения, обусловленного нетривиальностью маркированного компонента.

Рекуррентные конструкции активно включаются в организацию как ландшафта англоязычных СМИ, так и любого иного, в котором они были обнаружены. Учитывая факт, что язык существует в акте коммуникации, напрашивается вывод, что любое значение РК определяется относительно конкретной формы её функционирования в лингво-ландшафте. Поскольку при семантическом анализе исследователь всегда имеет дело с речью, значения анализируемых конструкций и их компонентов выводят из наблюдаемых случаев их употребления «в соответствии со специфическими коммуникативными задачами того или иного функционального стиля речи» [6: с. 17].

Анализ внеконтекстных рекуррентных конструкций и композитов

Согласно коммуникативно-функциональному подходу к переводу перевод-результат следует рассматривать как текст, созданный в определенной коммуникативной ситуации с определенной целью и выполняющий определенную функцию. Именно в этом заключается принципиальное отличие коммуникативно-функционального от текстоцентрического подхода, согласно которому перевод заменяет собой оригинал, воспроизводя настолько полно и точно, насколько это возможно, содержание оригинала и его коммуникативно-релевантные формальные признаки [7: с. 112].

Анализ выделяемых нами рекуррентных и композитных конструкций, далее называемых композитами, показывает, что эти устойчивые словосочетания трудно переводимы с английского на русский язык, и наоборот, если использовать текстоцентрический подход. Приведём ряд РК и композитов, рассматриваемых вне контекста, и сделаем их анализ, перевод или описание.

1. *“Political and economic landscape”* – «**политико-экономический ландшафт**».

2. *“Linguistic landscape”* – «**лингвистический ландшафт**».

3. *“Emergency linguistics”* – *«**экстренная/ чрезвычайная лингвистика**».

4. *“Glut of weapons”* – «**насыщенность** оружием».

5. *“Lamestream media”* – «**неуклюжие** СМИ» («*mainstream media* – **главные/основные** СМИ»; (ср.: *“Lame duck”* – «**гадкий утёнок; банкрот; неудачник; калека; неперезбранный член**»); *“Trash-stream Internet”* – «**Мусорный Интернет**» или «**Чёрный Интернет**».

6. *“Nuggets from the stupidity mine”* – *«**самородки золота из шахты глупостей**».

7. *“Cluster effect”* – «**кластерный эффект**» – концентрация людей в общественных местах, что способствует ускоренному распространению инфекции.

8. *“Red zone”* – «**красная зона**» («**опасная зона**») – это географический район или место, классифицируемые как имеющие самый высокий уровень инфицированных лиц, которые должны быть помещены под карантин.

9. *“Heroes in white”* – «**Герои в белых халатах**».

10. *“Patient zero”* – «**нулевой пациент**» – первый случай или первый зарегистрированный пациент в эпидемии коронавируса, (ср. *“ground zero”* and *“zero intention”*).

11. *“Super-spreader”* – «**инфицированный человек, который передаёт инфекцию большему, чем в среднем, числу других**».

12. *“Comorbidity”* – одно или несколько заболеваний; или заболеваний, перенесённых пациентом одновременно с основным заболеванием; заболеваемость; смертность; болезненность; *“сопутствующие»* заболевания или причины смерти.

13. *“Asymptomatic patient”* – «**бессимптомный больной/носитель**» – инфицированные пациенты, не имеющие никаких признаков инфекции, болезнь которых протекает бессимптомно. Таких людей иногда называют «**молчаливые носители**».

14. *“Immune-compromised patient”* – «**человек (пациент) с ослабленной иммунной системой**», т.е. менее способный бороться с инфекциями и другими заболеваниями; «**пациент с ослабленным иммунитетом**» или «**иммунокомпрометированный больной**».

Рассмотрим примеры 1 и 2. Эта группа имеет один общий компонент – немаркированное слово *“landscape”*. Их маркированные компоненты различаются: *“political and economic”* – у первой конструкции, *“linguistic”* – у второй. Обе РК не относятся к числу новообразований: они регулярно появляются в текстах СМИ и трудности для перевода

не представляют. Интересно лишь употребление сложного слова в русском языке в отличие от английского, «*политико-экономический*» и “*political and economic*”, что мы относим к специфике языка.

Примеры *3 и 4 разнятся как маркированными, “*emergency*” и “*glut*”, так и немаркированными компонентами: *«*экстренная/чрезвычайная*», «*насыщенность/избыток*» и “*linguistics/weapons*”. При анализе примера 3, который отмечен звёздочкой как дословный перевод, мы столкнулись с необходимостью переинтерпретации прямого значения слова, которое не отражает конкретную ситуацию: «*экстренной*» бывает «*скорая помощь*», «*чрезвычайной* – *ситуация*», но не «*лингвистика*». Это событие является нетривиальным, непрозрачным, с нестандартным использованием маркированного компонента; таким же будет и перевод, по сути – описание РК: «*Экстренная необходимость в специальных глоссариях, вызванных пандемией*». Пример 4 демонстрирует образование инновационных метафорических моделей: например, перевод РК “*glut of weapons*” как «*насыщенность рынка оружием*» в своей основе опирается на перенос и переосмысление буквального значения, относящегося к области медицины, в частности, физиологии. Это состояние объевшегося человека (в нашем примере – мирового рынка вооружений), где маркированным компонентом конструкции, «ответственным» за метафоризацию, является слово “*glut*” – «*обжора/избыток*».

Небезынтересно также проанализировать примеры 5 и 6. В примере 5 нельзя не отметить появление внутреннего образа, воссозданного по уже имеющейся модели: “*Lame-duck*” – “*Mainstream*” – “*Lamestream media*”, “*Trash-stream*”. В противовес «*mainstream*», «*lamestream*», заимствованное из устойчивого словосочетания «*хромой утёнок / неудачник*», придаёт этой РК негативную аксиологию, позволяет интерпретировать этот образ предложенной нами конструкцией – «*хромые/неуклюжие*» СМЛ.

Последняя из приведённых конструкций появилась совсем недавно. Об этом свидетельствует ещё не успевшее утвердиться её написание: было обнаружено три варианта написания этого рекуррентного композита: раздельно, через дефис и слитно, *Trash stream/Trash-stream/Trashstream Internet*. Процесс превращения словосочетания из свободного в связанное отличается сильной эмоциональной окраской и сверхсильной негативной аксиологией, чего нельзя не заметить в переводе. Первым появился перевод, простой, пословный: «*Мусорный Интернет*». Второй можно назвать передачей концептуального, ядерного значения всей конструкции: «*Чёрный Интернет*».

Ниже рассматривается кластер с примерами 8 и 9, маркированными компонентами РК выступают те, которые принадлежат к определённой цветовой гамме, «*красная зона*» и «*Герои в белых халатах*». Возникшая на наших глазах конструкция “*Trash-stream Internet*” не имеет слова «*чёрный*» в своём составе. Однако контент передач, который обозначен этой РК, настолько иногда оказывается грязным и опасным для жизни, поскольку участники «стрима – stream» снимают смерть людей в прямом Интернете, что основным переводом сегодня выступает РК «*Чёрный Интернет*».

Перевод примера *6 – “*Nuggets from the stupidity mine*” – «*самородки золота из шахты глупостей*», как и в примере *3, дословный. Однако он также не прост для переинтерпретации, поскольку обладает и образностью, и идиоматичностью, и внутренней формой, и библейской аллюзией. В нашей повседневной жизни мы, не задумываясь, переводим маркированное слово РК “*Nuggets*” как «*Наггетсы*», концепт которого – коробочка с закуской из Макдоналдса в виде обжаренных в сухарях кусочков куриных грудок. Но есть и второй компонент конструкции – “*mine*”, с определяющим его именем существительным “*stupidity*” – «*тупость, глупость*», который вместе с первым может передать большой объём глупостей как «*шахта глупостей*».

Ниже мы проанализируем новый кластер с примерами типичного научного геологического лингволандшафта. В одном из них сравнивается продолжительность жизни горных пород (это геологические объекты) с жизненными циклами живого существа. Переинтерпретация прямого значения слова «*шахта*» в переносное также может означать и слово «*рот*». Происходит полная переинтерпретация концепта, что поднимает его до уровня Библейского фразеологизма: “*Out of the Babes’ Mouth*” – «*Устами младенца глаголет истина*». Этот подход позволяет передать значение анализируемой РК на базе иного концепта, что делает возможным прибегнуть к окончательной передаче (описанию) конструкции следующим образом: «*И глупый человек может иногда изречь мудрую мысль*». В нашем примере оригинальная РК заимствована из политических текстов, она неплохо «прижилась» в области политического лингволандшафта.

Примеры 7, 8 и 9 демонстрируют типичную модель образования РК. Лингвистический ландшафт, частью которого выступает термин “*cluster*” – «*кластер/кластерный*», «работает» в физико-математической, инженерно-механической и многих других технических областях. Учёные этих научных направлений давно позаимствовали этот термин, транслитерировали его на русский язык, как и множество подобных ему слов-терминов, и этот пласт слов-терминов, включая такие как «ком-

пьютер» (русскоязычный аналог ЭВМ не прижился) и многие другие, очень хорошо «вписался» и адаптировался в многочисленных областях знаний. Мы сочли возможным проанализировать эту рекуррентную конструкцию потому, что сегодня наблюдается рост лингвистической нагрузки и случаев употребления этой РК. «**Кластерный эффект**» чаще всего используется для обозначения ситуаций «концентрации людей в общественных местах, что способствует ускоренному распространению инфекции». Аксиология новообразования в области медицины негативная.

Примеры 8 и 9, “*Red zone*” – «**красная зона**» и “*Heroes in white*” – «**Герои в белых халатах**», в которых отбор маркированных компонентов, группирующихся вокруг концепта конструкций, был сделан в пользу прилагательных, передающих конкретный цвет, что несёт очень большую лингвистическую нагрузку, определяемую ландшафтом. Цвет красный в большинстве функциональных стилей речи, особенно в технических областях употребления, означает сигнал опасности: стоп, остановись, огонь, пожар, нельзя двигаться в этом направлении и т.д.

Национально-культурный ландшафт может наделять цвет, как красный, так и белый, совсем иной нагрузкой. Русский язык ставит знак равенства между словами «**красный/красивый**», например: «**Красная площадь/красна девица**». В ландшафте китайской культуры этот цвет считается священным: свадебное платье невесты имеет традиционно красный цвет. Пандемия отвела красному цвету новую нагрузку: «географический район или место, классифицируемые как имеющие самый высокий уровень инфицированных лиц, и которые должны быть помещены под карантин, самый высокий уровень опасности, «**красная зона**».

Все отрицательные события, съёмки, вся грязь и мерзость Интернета были маркированы **чёрным** цветом, получив название «**Чёрный Интернет**». Можно привести всем известный пример с космосом, в котором существуют «**Чёрные дыры**». Однако сегодня это свободное словосочетание, так как мы до сих пор не знаем, что именно составляет ядерный концепт этих дыр, так как неизвестно, что там происходит.

В рамках этой модели образования РК рассматривается и в примере 9 – инновационное, возникшее совсем недавно словосочетание “*Heroes in white*” – «**Герои в белых халатах**». Анализ примера с этой конструкцией аналогичен предыдущему. Укажем лишь на факт того, что в русском языке словосочетание «**Люди в белых халатах**» синонимично термину: «**врач/доктор**». Этим можно объяснить включение отсутствующего в английском языке слова «**халатах**» при переводе на русский:

приём декомпрессии, поскольку транслитерация этого новообразования *«**Герои в белом**» может быть неправильно понята.

Появление примера РК 10, “*Patient zero*” – «**нулевой пациент**», а впоследствии её анализ и перевод был вызван к жизни пандемией коронавируса, к сожалению, не на пустом месте, а на базе уже существующей модели, датированной 2001 г. В приведённом выше примере маркированным компонентом конструкции выступает порядковое числительное «**нулевой**», немаркированным – «**пациент**». Первый случай или первый зарегистрированный пациент в эпидемии коронавируса, (ср. “*ground zero* and “*zero intention*”).

Сравнение двух, на первый взгляд, не очень экспрессивных устойчивых словосочетаний, «**нулевой уровень**» и «**нулевой пациент**», анализ их общего маркированного компонента, числительное «**нулевой**», позволяет увидеть, как вербализация смысла конкретного и чрезвычайно важного, сверхзначимого события в жизни одного общества, а затем и всей планеты помогает найти способ и новообразованные конструкции для именованья двух новых, трагических явлений. Первая модель образования рекуррентной конструкции уходит в прошлое, к номинации печально знаменитого события 2001 г., когда самолёт, ведомый террористом-смертником, протаранил и разрушил две башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Место трагедии с тех пор называют “*Ground Zero*”, «**нулевой уровень**» или эпицентр взрыва; отправная точка. Время удара было тоже «зашифровано» в цифрах: “*9/11 – Nine /Eleven*”, «**девятое сентября**». Новый пример, несомненно, образован по модели первого, датированного 2001 г. Можно предположить, что даже много лет спустя после указанных событий психика людей, потерявших своих родных и близких в результате взрывов или пандемии, будет камуфлировать исходную боль, используя «стерильные» нулевые обозначения, отказываясь вызывать в памяти образы сопутствующих катастроф.

И, наконец, последний кластер примеров, 11–14, объединён в одну группу. Она представлена сложными словами или *композирами*, имеющими весьма продуктивную, одну общую для всех модель образования, исключая последний, 14-й пример. А именно: второй компонент, выделенный жирным шрифтом и курсивом, – маркированный, первый таковым не является. В примере 14 порядок следования компонентов обратный: маркированным выступает слово “*spreader*”.

Также примечательно то, чем передаётся этот немаркированный компонент во всех четырёх примерах. В порядке следования это элементы “*Super-, Co-, A-, -compromised*”. (a) *Super* – это префиксоид, первая часть сложных слов (композитивов), обозна-

чающая «высшее качество, повышенное, усиленное действие сверх». (б) *Co-* является префиксом с семантикой «присутствия нескольких человек, участников процесса или действия, т.е. основная отличительная особенность слов с этим префиксоидом – *совместность*». (в) *A-*, мы полагаем, также можно отнести к словообразовательным префиксам, заимствованным из латинского языка. Его употребление придаёт слову отрицательное значение, поэтому в переводе не нуждается, так как является международным. Один из наиболее часто используемых в текстах научной прозы, лингволандшафт которых изобилует такими словами, например, *anormal* – «аномальный», «ненормальный»; *amoral* – «аморальный»; *anomalous* – «неправильный», «аномальный»; *asymmetry* – «асимметрия», «нарушение симметрии»; *asynchronous* – «асинхронный», «не совпадающий во времени». И (г) *Immune-*(*compromised*) – это композит, первый компонент которого является полнозначным словом, несущим основную смысловую нагрузку. Лингволандшафт этого сложного слова не вызывает сомнений: областью его использования являются тексты функционального стиля научной прозы (ср: “immunology”, “immunocompetent”, “immunogenetics”, “immunochemistry”). Значение первого, маркированного компонента «*иммунный/ая*» ограничивает значение второго, «*скомпрометированная*». Окончательные варианты перевода этого композита – см. пример 14.

Анализ рекуррентных конструкций и композитов в составе микротекстов

Анализ рассматриваемых далее контекстных рекуррентных конструкций и композитов, в которых маркированные компоненты выделены жирным курсивом, были заимствованы нами из нескольких типов лингволандшафта: политического, медицинского, экономического, военного. Как уже указывалось, специфика их перевода на русский язык определяется коммуникативно-функциональным подходом, если принимать во внимание в процессе принятия решений лингвистические и экстралингвистические факторы и их интерпретацию. Рассмотрим примеры в контексте:

(1) “*The guessimates* are that US shale needs about \$60, Saudi Arabia – about \$80, while Russia is OK at \$45 and can get by even on \$25 for some time. So, Moscow’s still smiling, even if a little grimly”. – «Предполагается (Догадки заключаются в том) что на (добычу) сланцевой нефти США потребуется около \$60 (за баррель), Саудовской Аравии – около \$80, в то время как у России всё будет в порядке при \$45. Какое-то время она сможет протянуть даже при стоимости \$25 долларов/баррель. Так что Москва по-прежнему улыбается, хотя и мрачновато» [10].

Guessimates = *guess* + *estimate*, это сложное слово, композит, состоящее из основ двух слов: *guess*, перевод: «*домысел, догадка, предположение*» + основа слова *estimate*, перевод «*оценка, расчёт, калькуляция*». Общий смысл – основывающаяся на догадке /слепых расчётах /интуиции и ни на чём ином.

(2) “Herself a veteran of the US military forces, Representative Gabbard *soldiers on*, the only would-be Democratic president calling for an end to this most dangerous new Cold War.” – «Сама ветеран Вооружённых сил США, член Палаты Представителей Габбард *продолжает служить как солдат*, единственный потенциальный кандидат в президенты от демократов, призывающий положить конец этой самой опасной новой холодной войне».

(3) “*Zero intention*: Kim Jong-un does not want to go to war with the United States. He has *zero intention* of ever using his arsenal in an offensive strike against either the United States or any of our allies” [12] [AA – из личного архива автора]. – «Ким Чен Ын не хочет воевать с США. У него нет *абсолютно никаких намерений* использовать свой арсенал в наступательном ударе против США или любого из наших союзников».

(4) The use of fear *to galvanize* the US population started immediately after WW2 when our government began competing with the USSR to build the biggest empire. Not one war we've been involved in since then had anything to do with defense, though most were portrayed that way... A group of *neocons* (*neoliberals*) led by Cheney *began harvesting blackmail dirt* using the NSA beginning in 2002 (Russ Tice claimed Cheney had tapped Senator Obama’s phones). They *puppetized* Obama and they've *puppetized* Trump, and they will continue the lost fight for world empire until our *massive war debt* destroys us. – «Использование страха, чтобы *стимулировать* (*гальванизировать, возбуждать, оцинковывать* – *galvanize*) население США, началось сразу после Второй мировой войны, когда наше правительство стало *конкурировать с СССР за создание самой большой империи*. Ни одна война, в которой мы участвовали с тех пор, не имела ничего общего с обороной, хотя большинство из них изображалось именно так. Группа *неоконсерваторов* (*neoliberals*, часто *neocons*) во главе с Чейни начала *сбор компромата* (*harvest blackmail dirt*) для шантажа через АНБ с 2002 г. (Расс Тайс утверждал, что Чейни прослушивал телефоны сенатора Обамы). Эти *кукловоды, как марионеток, использовали* Обаму, *затем Трампа*, и они будут продолжать проигранную борьбу за мировую империю, пока наш огромный военный долг не уничтожит нас».

Анализ примера (1) интересен своим «двухвалентным» композитом “*guessimate*”, поскольку в нём можно любую из основ условно принять за

маркированную. Только автор знает, что он хотел передать и основа какого слова – “*guess*” – «догадка» / «слепой домысел» или “*estimate*” – «калькуляция» / «расчёт» – будет являться в нём маркированной. Переводчик с опорой на свои фоновые знания и интуицию выбрал первую – “*guess*”.

Пример (2) иллюстрирует новообразованный фразовый глагол “*to solder on*” по аналогии с уже известными фразовыми глаголами “*to go on*”, “*to keep on*”, “*to hold on*” и др. Именно он вынудил переводчика прибегнуть к приёму декомпенсации при переводе.

Пример (3) упомянут при анализе конструкций в примере 10, в котором подробно были рассмотрены и переведены два примера рекуррентных конструкций: “*Patient zero*” – «*нулевой пациент*» и “*ground zero*” – «*нулевой уровень*». В примере “*zero intention*” модель та же, “*zero*” – это маркированный компонент, “*intention*” – немаркированный. Однако русский язык не допускает постановки двух слов *«*нулевые намерения*» вместе. Можно сказать «*иметь намерения*», но нет возможности указать их силу и глубину. Переводчик прибегнул к приёму декомпенсации. И полное отрицание наличия каких-либо намерений было передано лексическими (наречие «*абсолютно*») и грамматическими средствами: отрицание «*нет*» и отрицательное местоимение «*никакой*»: «*нет абсолютно никаких намерений*».

Пример (4) привлекателен двумя необычными для политического ландшафта глаголами, “*to galvanize the US population*” и “*to puppetize Obama and Trump*”. Ни одно из значений глагола “*galvanize*” (см. варианты выше) контекст примера не пропускал, поскольку областью его применения является узкая сфера химических научных текстов, а не политический дискурс. Было найдено самое близкое по значению слово, устраивающее словосочетание оригинала: «*стимулировать*» население США.

Второй заслуживающий внимания глагол – “*to puppetize Obama and Trump*”. Такого глагола в русском языке не оказалось, нашлось только имя существительное: «*куклы*», «*марионетки*» (“*puppets*”). Аксиология первого слова нейтральная, второго – отрицательная. И вновь на помощь приходит приём декомпенсации: «*Эти кукловоды, как марионеток, использовали*» Обаму, затем Трампа.

Также заслуживает внимания образец рекуррентного композита – “*neoccons*” (“*neoconservatives*” – «*неоконсерваторы*»). Его трудно назвать новообразованием, он довольно прочно обосновался в политическом ландшафте американских СМИ, востребован и активно тиражируется.

И, наконец, самый яркий последний пример из этого же фрагмента “A group of *neoccons* led by Cheney *began harvesting blackmail dirt*” – «Группа во главе с Чейни *начала сбор компромата*». Во

первых, переводчик прибегнул к приёму компрессии: в русском языке перевода использован композит, образованный стяжением двух основ: «*компрометирующие материалы*» – «*компромат*». А во-вторых, в переводе утрачена образность. Поскольку глагол “*to harvest*” имеет только одно значение: «собрать урожай», в английской конструкции Чейни занимается не *«*сбором урожая зерновых*», а «*сбором шантажирующей грязи*». Однако стилистика перевода нейтральна, аксиология композита отрицательная, но отвратительный образ сборщика грязи отсутствует. К тому же подобные переводы могут допускаться в политико-дипломатических целях.

РК играют важную роль в политическом дискурсе. Если взять за определение дискурса краткое и ёмкое определение Н.Д. Арутюновой, что это есть «*речь, погружённая в жизнь*» [1: с. 137], или дискурс – *это речь, вписанная в коммуникативный акт*, то любой англоязычный политический текст или текст газетного mainstream обладает набором как *общих*, так и *специальных признаков*, которые в значительной степени определяются спецификой дискурсивного развертывания и функциональными характеристиками изучаемого лингвистического ландшафта. К числу *первых* относятся признаки, присущие политическим текстам СМИ, которые созданы *журналистами* и распространяются посредством прессы, радио, телевидения, Интернета. К числу *вторых* мы отнесли только *существенные признаки, характеризующие тексты, созданные политиками-аналитиками*, такие тексты часто относят к числу институциональных.

Анализ рекуррентных конструкций и композитов в научном ландшафте

Для сравнения мы приведём несколько примеров лингволандшафта геологической направленности, анализ которых также представляет интерес. Научный лингвистический ландшафт даже с точки зрения изучения отдельно используемых глаголов в составе конструкций несёт свою конкретную нагрузку. Можно предположить, что текстам чисто научной принадлежности, по определению, не свойственны новизна, эмоциональная окраска и образность. Рассмотрим примеры, чтобы показать отличительные свойства геологического лингволандшафта как области науки с характерными для неё конструкциями. Они важны как для речемыслительного процесса и его динамического развертывания, так и для функционирования устойчивых словосочетаний даже такого «каменного» ландшафта, как геологический.

(а) Передача возрастных характеристик: “*Older and younger deposits; young minerals; older molybdenite crystals*”. «*Старые и молодые месторождения; молодые минералы; старые кристаллы молибденита*».

(б) Сравнение продолжительности существования геологического объекта с жизненным циклом живого существа: “The *overall life of the porphyry systems*; to bracket the *life span of porphyry systems*; *long-lived magmatic-hydrothermal events*; zircon is a mineral that *survives most of the geologic processes*”. «*Общая продолжительность жизни порфировых систем; долгоживущие магмато-гидротермальные события*; циркон – это минерал, который *выживает в большинстве геологических процессов*».

(в) Способность иметь взаимоотношения: “Rocks that have *clear crosscutting relationships* in the field; *magmatic fluid interaction*”. «Породы, имеющие *четкие поперечные связи* в поле; *взаимодействие магматических жидкостей*».

(г) Семейные связи: “The *daughter Pb isotopes*”; “*inherited cores*”; “*parent/daughter nuclide ratios*”; «*Дочерние изотопы Pb*»; «*Унаследованные ядра*»; *соотношение нуклидов родитель / дочь*».

Анализ контекстных и внеконтекстных конструкций, заимствованных из научного геологического ландшафта [9: с. 78], с большой долей уверенности показывает, что побудить учёного-геолога использовать в речевой деятельности, в том числе и в научных текстах, для передачи или называния базовых научных понятий (терминов) в его научной сфере может, прежде всего, стремление подчеркнуть новизну изучаемого объекта.

Все четыре примера отличает сравнение живой природы, включая её высшее творение, человека, и неживой, образность и метафоризация. Используемые приёмы способствуют реализации смысло-различительной функции конкретных геологических объектов через экспрессивные устойчивые рекуррентные конструкции и композиты, делая их действенным инструментом именования новых явлений и способствуя их последующему употреблению (тиражированию).

Выводы

Итак, роль и функционирование рекуррентных конструкций и композитов в англоязычном лингвистическом ландшафте обусловлены восприятием данных словосочетаний конкретным языковым социумом. Свои дискурсивные значения эти конструкции получают в динамически разворачивающемся дискурсе. Семантический анализ маркированных членов РК указывает на их концентрацию вокруг некоторого «опорного» концепта, закрепляя за ними то значение, информацию о котором передаёт денотат языкового знака, что подкрепляется наблюдаемыми фактами употребления анализируемых словосочетаний.

Неоднозначность выводимости значения и усложнение способа указания на денотат проявляются в расширении формы слова, его нестандартной передаче, в том числе переинтерпретации, метафоризации и соответственно в трудностях перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 5-е. – Москва : Либроком : URSS, 2009. – 569 с.
3. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Москва : Знак, 2008. – 656 с.
4. Кожемякин, Е.А. Дискурс-анализ в современном социальном-гуманитарном знании / Е.А. Кожемякин // Человек. Сообщество. Управление. – 2006. – № 3. – С. 25–39.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд. – Москва : Русский язык, 1990. – 917 с.
6. Разинкина, Н.М. Стилистика английского научного текста / Н.М. Разинкина. – Москва : Либроком : URSS (Москва), 2015. – 210 с.
7. Сдобников, В.В. Использование коммуникативно-функционального подхода к оценке качества перевода / В.В. Сдобников. – Москва : Флинта : Наука, 2015. – 112 с.
8. Терехова, Е.В. Рекуррентные конструкции в современном английском политическом дискурсе: статус и функционирование / Е.В. Терехова. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 176 с.
9. Терехова, Е.В. Функционально-стилистическая образность метафоры в научном тексте / Е.В. Терехова, Т.Н. Великова // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе : коллективная монография / отв. ред. Д.Б. Никуличева. – Москва : Институт языкознания РАН, 2017. – С. 77–81.
10. Armstrong, P. Russian Federation sitrep / P. Armstrong. – 2020. – May 28. – URL: <https://patrickarmstrong.ca/2020/05/28/russian-federation-sitrep-28-may-2020/> (accessed: 18.01.2021).
11. Landry, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study / R. Landry, R.Y. Bourhis // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – Vol. 16, № 1. – P. 23–49.
12. Levis, D.L. America’s fear-based foreign policy needs to go / D.L. Levis // The National Interest: Network magazine. – 2019. – June, 10 – URL: <https://nationalinterest.org/blog/skeptics/america-%E2%80%99s-fear-based-foreign-policy-needs-go-62077> (accessed: 15.11.2020).
13. Li, Yuming. Language lessons of COVID-19 and linguistic disaster preparedness / Li Yuming. – URL: <https://www.languageonthemove.com/language-lessons-of-covid-19-and-linguistic-disaster-preparedness> (accessed: 02.12.2020).
14. Sebba, M. Review of linguistic landscapes: A comparative study of urban multilingualism in Tokyo / M. Sebba // Writing System Research. – 2010. – Vol. 2, № 1. – P. 73–76.